

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА*

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Въ началѣ августа 1879 года простояли въ Петербургѣ нѣсколько ясныхъ и теплыхъ дней какихъ лѣтомъ того года почти не было. Пользуясь хорошею погодой, дачники не помышляли еще о возвращеніи въ пыльный и душный Петербургъ. По той же причинѣ, жители города прикованные къ нему службой или дѣлами и въ томъ числѣ большинство военныхъ, служащихъ въ гвардейскихъ полкахъ, возвратившихся ранѣе обыкновеннаго изъ лагеря, ежедневно слѣзили куда-нибудь за городъ подышать чистымъ воздухомъ. Всѣ поѣзды желѣзныхъ дорогъ, даже самые раніе, были переполнены пассажирами.

Такъ было и на станціи Балтійской желѣзной дороги въ одинъ изъ первыхъ дней августа, около девяти часовъ утра.

Въ числѣ желавшихъ взять билеты, медленно, шагъ за шагомъ, подвигались къ кассѣ въ общемъ ряду два офицера одинъ за другимъ.

* См. Русскій Вѣстникъ, № 2.

Старшій, впереди, былъ въ сюртукѣ и пальто генеральнаго штаба. Подъ мышкой держалъ онъ темно-коричневый кожаный портфель, на срединѣ котораго можно было прочесть надпись славянскими буквами: *С. П. Анкосовъ*.

Русской арміи не было еще извѣстно имя молодаго полковника Анкосова, но въ петербургскихъ военныхъ кружкахъ всѣ его знали и всѣ считали за офицера съ будущностію.

Говорили что онъ мастеръ писать и въ особенности отписываться, что въ министерствѣ онъ пользуется, и не напрасно, репутаціей ловкаго, изворотливаго и способнаго канцеляриста-чиновника; но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнюдь не жадеетъ отстать отъ военнаго ремесла, напротивъ того, оставилъ хорошую должность въ Сибири чтобъ участвовать въ Турецкой войнѣ и при этомъ показалъ себя распорядительнымъ и храбрымъ офицеромъ.

Петербургское общество посѣщалъ онъ мало, но какъ-то вездѣ въ гостиныхъ и кабинетахъ имя его было извѣстно, и всѣ считали Анкосова въ разрядѣ петербургскихъ дѣятелей которыхъ ожидаетъ блестящая карьера. Ловкій баринъ, говорили про него, далеко поидетъ.

Собственно говоря, никто не задавалъ себѣ вопроса и никто не былъ въ состояніи опредѣлить точно почему именно полковника Анкосова могла ожидать карьера, и почему онъ долженъ былъ пойти далѣе многихъ другихъ; но какъ будто всѣ условились быть въ томъ увѣренными: и высшіе, и низшіе, и начальники Анкосова, и его товарищи. У него былъ видъ такой карьерный. Глядя на него и слушая его вымѣренную и какъ бы заранѣе обдуманную рѣчь, невольно приходило на мысль что человѣкъ этотъ говоритъ только часть того что знаетъ или думаетъ, но никогда не высказывается до конца. Казалось что онъ знаетъ какія-то важныя государственныя тайны, что тайны эти доверены ему лично высокостоящими особами, и что значитъ самъ онъ долженъ быть человѣкъ немаловажный если удостоивается выслушивать отъ такихъ особъ секретныя ихъ предначертанія. Никогда самъ онъ даже не намекалъ ни на что подобное, но всѣ были въ томъ увѣрены.

Трудно было найти другаго столь удобнаго подчиненнаго какъ Анкосовъ. Онъ быстро и ясно усвоивалъ себѣ получаемыя приказанія; въ этомъ отношеніи онъ шелъ далѣе:

онъ предугадывалъ желанія начальства. Слѣдя неуслышно за ходомъ дѣлъ министерства и въ особенности за личными отношеніями главныхъ административныхъ дѣятелей между собой, онъ всегда старался предусмотрѣть что именно было бы полезно и желательно начальству при извѣстномъ состояніи служебной атмосферы, что можно пустить въ ходъ теперь же, пользуясь моментомъ, съ увѣренностію въ успѣхѣ, и что надо попридержать до болѣе удобной минуты. Вооруженный этими драгоценными свѣдѣніями, онъ распредѣлялъ доклады свои такъ что убѣждалъ и вынуждалъ начальство согласиться на ту именно мѣру которая и безъ того уже, безъ его убѣжденій, составляла предметъ хотя и невысказанныхъ еще, но горячихъ желаній начальника. Если же случалось ему и ошибиться, если, не взирая на его убѣжденія, начальство не притворно отказывало принять предлагаемую имъ мѣру, и становилось очевидно что онъ на этотъ разъ не предугадалъ, то и въ этомъ случаѣ онъ выходилъ изъ затрудненія не жертвуя своими перьями: онъ тонко, незамѣтно давалъ чувствовать начальству что удивляется его прозорливости, настойчивости и силѣ характера. Въ отдѣленіяхъ разныхъ управленій, изложеніе мотивовъ подкрѣпляющихъ предложеніе какой-либо мѣры называлось приготовленіемъ гарнира къ „говядинѣ“; самая мѣра была говядиной, мотивы были гарниромъ. Никто во всемъ управленіи не могъ сравниться съ Анкосовымъ въ искусствѣ подбирать гарниръ. Получивъ въ видѣ резолюціи на бумагѣ голое изложеніе предполагаемой мѣры безъ подкрѣпленія ея какими бы то ни было доводами, онъ подыскивалъ мотивы и умѣлъ обложить говядину такимъ гарниромъ что всѣ многочисленные совѣты и комитеты, приглашенные пожевать и вкусить его страши, проглатывали представленіе съ особымъ апетитомъ, не разобравъ хорошенько что это за мясо; до такой степени вкусенъ былъ соусъ.

Наружность и манеры Сергѣя Петровича какъ нельзя болѣе отвѣчали той выгодной репутаціи какую онъ пользовался въ Петербургѣ.

Очень худощавый, даже тощій, всегда матово-блѣдный, съ задумчивыми, усталыми карими глазами, онъ имѣлъ видъ чловѣка нервнаго, страдающаго бессонницей и крайне утомленнаго непосильною работой. Что-то таинственное, недосказанное, видѣлось въ его глазахъ и его улыбкѣ.

„Онъ скоро израсходуетъ себя“, говорили молодыя дамы,

глядя на него съ участіемъ. „Il brule la bougie des deux bouts.“ * И ужасно хотѣлось имъ знать отчего онъ такой усталый, такой изможденный.

Каждый разъ когда поднимался какой-либо вопросъ сильно его интересующій и Анкосовъ приходилъ въ нѣкоторое волненіе, оно всегда сопровождалось какимъ-то подергиваніемъ мускуловъ лѣваго глаза и лѣвой щеки; Сергѣй Петровичъ участливо моргалъ однимъ лѣвымъ глазомъ и казалось самъ не замѣчалъ этого страннаго нервнаго явленія.

Онъ всегда слушалъ говорившаго съ нимъ съ большимъ вниманіемъ; казалось что онъ весь поглощенъ былъ тѣмъ что слышалъ и вдругъ, къ крайнему удивленію говорящаго, внимательный слушатель начиналъ весело улыбаться въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ разказа, вызывающихъ обыкновенно слезы, или оставался серіознымъ при самыхъ смѣхотворныхъ остротахъ. „Должно-быть голова его занята важными дѣлами, ему теперь не до моихъ разказовъ“, думалъ въ такихъ случаяхъ говорившій.

Самъ Анкосовъ не любилъ разказывать ни смѣхотворныхъ анекдотовъ, ни трагическихъ происшествій, но охотно вдавался въ разговоры о политикѣ, о современном положеніи Россіи, о вопросахъ дня, въ особенности же интересовался новостями придворными и слухами о передвиженіяхъ, назначеніяхъ и увольненіяхъ высшихъ лицъ. Бесѣдуя о всѣхъ этихъ матеріяхъ важныхъ и серіозныхъ, онъ никогда не употреблялъ глагола: *я знаю*, но говорилъ: *я слышалъ* и чаще всего прибѣгалъ къ выраженію: *говорятъ*. Но выговаривалъ онъ слова эти такимъ тономъ что всѣ слушающіе его подразумѣвали: „я знаю“.

Анкосовъ былъ единственнымъ сыномъ отставнаго генерала, не бѣднаго, но и не особенно богатаго помѣщика одной изъ приволжскихъ губерній, изъ многочисленнаго разряда тѣхъ русскихъ помѣщиковъ которые не нашлись что дѣлать тотчасъ послѣ 1861 года и доходы коихъ уменьшились болѣе чѣмъ на половину отъ улучшенія быта крестьянъ. Отецъ отдалъ его двѣнадцати лѣтъ въ тотъ же кадетскій корпусъ гдѣ и самъ воспитывался. Слособный, самолюбивый и честолюбивый Сережа учился хорошо, велъ себя примѣрно, а потому вышелъ офицеромъ въ артиллерію, а оттуда чрезъ академію въ генеральный штабъ.

* Его свѣча горитъ съ обоихъ концовъ разомъ.

Въ настоящую минуту на станціи Балтійской желѣзной дороги, доплетаясь наконецъ по очереди до билетной кассы, полковникъ Анкосовъ просунулъ въ форточку кассира пятирублевую бумажку.

— До станціи Пудость, билетъ перваго класса, сказалъ онъ, и пока въ кассѣ накладывали штемпель на билетъ и отръзывали его, спросилъ:—Повздъ отходить въ которомъ часу?

— Въ 9 часовъ 20 минутъ.

— Слишкомъ рано забрались мы, замѣтилъ онъ, обратясь къ шедшему сзади его и тоже требовавшему билетъ до Пудости, ротмистру гусарскаго полка, князю Анатолю Николаевичу Суздальскому.—Теперь только безъ десяти минутъ девять.

Чтобъ убить время, Анкосовъ прошелъ въ одну изъ залъ къ выставленнымъ на продажу книгамъ и журналамъ и купилъ послѣдній нумеръ одного изъ наибольшихъ по формату ежедневныхъ изданій.

Ставъ спиной къ окну противъ выходной двери, онъ положилъ портфель на ближайшій диванъ, развернулъ газету, чуть не съ простыню величиной и только что началъ пробѣгать руководящую статью, какъ замѣтилъ предъ собою протянутую изъ-за листа газеты чью-то руку, держащую продолговатый конвертъ.

Опустивъ газету онъ увидѣлъ стоящаго предъ нимъ Человѣка въ фуражкѣ посыльнаго и съ письмомъ въ рукѣ.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ, глядя на конвертъ, на которомъ успѣлъ уже прочесть свою фамилію.

— Извольте получить, приказано вамъ передать.

— Почему же не на моей квартирѣ, а здѣсь?

— Приказано передать вамъ здѣсь и улачено безъ отвѣта.

Анкосовъ, очень удивленный, взялъ письмо. Покуда онъ разрывалъ заклеенный конвертъ и развертывалъ письмо, посыльный исчезъ.

Письмо было анонимное, рука скорѣе женская чѣмъ мужская, но съ явнымъ стараніемъ исказить почеркъ. Было написано:

„Принимаю въ васъ сердечное участіе. Обстоятельства такъ сложились что совѣтую лучше на время удалиться. Здѣсь завистники погубятъ. Достигнуть цѣли можно, но нуженъ случай. Сегодня сдѣлаете вы встрѣчу, она можетъ устроить вашу будущность. Но помните добрый совѣтъ и исполняйте его непременно. Не ищите случая далеко, онъ передъ вашими глазами. Вашъ другъ.“

Заморгаль лѣвый глазъ полковника. Онъ подвѣлъ брошенный на полъ конвертъ и сблизилъ разорванныя двѣ половинки его. На конвертъ тою же рукою было написано: „Его высокоблагородію Сергѣю Петровичу Анкосову.“

Не могло быть никакого сомнѣнія. Конвертъ былъ совсѣмъ обыкновенный, длинноватый, безъ печати и вензеля, Анкосовъ началъ искать глазами посыльнаго чтобы разспросить, но его уже не было въ залѣ.

Анкосовъ снова обратился къ письму и со вниманіемъ эксперта разсматривалъ его буквы.

— *Лучше на время удалиться*, читалъ онъ: — совершенно вѣрно. Я самъ того мнѣнія и желанія моего быть гдѣ-нибудь военнымъ агентомъ не скрываю, даже говорилъ объ этомъ не разъ многимъ знакомымъ. *Здѣсь завистники погубятъ*, объ этомъ и самъ подумывалъ частенько, но никому не говорилъ. *Нуженъ случай*—эка новость! конечно нуженъ случай, да гдѣ жь его взять! *Она можетъ устроить*. Кто такая: она! тутъ какъ-то безграмотно написано: *Вы съѣдаете встрѣчу, она можетъ устроить*. Встрѣча что ли? или женщина которую я встрѣчу? А на совѣтъ налегаютъ особю. *Не ищите случая далеко, онъ передъ вашими глазами*. Ну, пока предъ глазами: двѣ маменьки и старая дѣва что продаетъ книги, сулевымъ случаемъ явно быть не могутъ!

Письмо вмѣстѣ съ изорваннымъ конвертомъ отправилось въ портфель, а газета снова была развернута.

Хотя глаза и пробѣгали строчки передовой статьи, но смыслъ читаннаго не проникалъ въ голову Анкосова. Его мысли не могли оторваться отъ только что полученнаго анонимнаго письма.

Случай предъ вашими глазами. Кто могъ написать мнѣ это? И Анкосовъ перебиралъ въ умѣ всѣхъ знакомыхъ ему дамъ. Неизвѣстно почему былъ онъ такъ увѣренъ что письмо написано женскою рукою. Переходя мыслями отъ одной знакомой къ другой, онъ старался приискать причины которыя могли бы побудить ту или другую даму адресоваться къ нему съ совѣтомъ, но не могъ придумать ничего.

— А чортъ съ ними! сказалъ онъ съ досады чуть не громко и вновь обратился къ газетѣ.

Но видно не суждено ему было прочесть передовую статью, потому что не услѣвъ онъ пробѣжать и нѣсколькихъ строкъ ея, какъ услышалъ знакомый голосъ привѣтствовавшій его словами:

— Сергій Петровичъ, здравствуйте! и опять рука, но на этотъ разъ съ перстнемъ на большомъ пальцѣ и съ золотымъ гладкимъ браслетомъ подъ военнымъ рукавомъ, высунулась изъ-за газеты.

Предъ Анкосовымъ стоялъ средняго роста, полный, скорѣе рыхлый чѣмъ плотный генералъ, лѣтъ сорока пяти, съ рыжими густыми волосами и такою же бородой. Въ немъ особенно поражали черные, блестяще глаза при совершенно свѣтлыхъ волосахъ. Очень короткая шея, нѣсколько красное, воспаленное лицо и толстыя красныя губы свидѣтельствовали объ алоплексическомъ сложеніи и склонности ко всякимъ издѣштвамъ.

Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, во всемъ новомъ, съ иголочки. Кавты, красный воротникъ, золотые погоны, перчатки, шпоры, все блестяло свѣжестью.

И все это не улачено, была первая мысль Анкосова. Ему документально было извѣстно что генералъ Вейсигъ имѣлъ пагубную слабость ко всякаго рода комфорту, къ хорошимъ завтракамъ и обѣдамъ, къ роскоши и къ цѣннымъ вещамъ; но также имѣлъ привычку не платить долговъ и не разчитываться по счетамъ своихъ фурниссеровъ. Его финансы были постоянно въ самомъ плачевномъ состояніи, онъ съ давнихъ временъ не выходилъ изъ дефицита и погрузился наконецъ въ неоплатные долги.

— Ваше превосходительство! какими судьбами? отвѣчалъ Анкосовъ на привѣтствіе генерала, пожимая ему руку.—Всѣ полагають васъ гдѣ-то въ глубокой Азіи, а вы здѣсь... Давно ли изволили пожаловать?

— Пріѣхалъ-то я уже болѣе мѣсяца тому назадъ, да вотъ все возился въ моемъ министерствѣ, такъ что не успѣлъ еще побывать у васъ въ управленіи.

— Вѣроятно останетесь здѣсь еще нѣкоторое время?

— Не знаю право, долго ли придется мнѣ пробывать здѣсь, а очень бы хотѣлось. Интересныя совершаются здѣсь событія. Кажется, видишь на яву во очію, какъ движется, нѣтъ, не движется, а мчится впередъ собственною инициативой общій прогрессъ. Невольно рождается надежда на скорое разрѣшеніе самыхъ важныхъ соціальныхъ вопросовъ для Россіи. Посмотрите, какъ все измѣнилось въ короткое время. Последній разъ мы съ вами видѣлись три года тому назадъ, а съ тѣхъ поръ...

— Да, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, отвѣчалъ Анкосовъ,—но у насъ тутъ думаютъ что измѣненія эти не доказываютъ движенія впередъ, или, какъ вы говорите, прогресса. Вотъ, напримѣръ, общій нашъ съ вами знакомый, Николай Владиміровичъ Мезенцевъ...

— И не говорите! Какъ жаль мнѣ Николая Владиміровича! прервалъ его Вейсигъ.—Я вѣдь былъ съ нимъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще такъ недавно мы завтракали съ нимъ. Но что же дѣлать? Въ такихъ вопросахъ мы не должны позволять себѣ изъ видовъ и чувствъ индивидуальныхъ судить субъективно. Ни одна великая соціальная задача не рѣшалась безъ жертвъ. Louis Blanc, въ сочиненіи своемъ: *Histoire des dix-ans*, говорить...

— Читалъ я это сочиненіе, вставилъ Анкосовъ,—и признаюсь, не понравилось оно мнѣ.

— А! читали? спорить объ его сочиненіи не буду. Не помню право хорошенько, онъ ли сказалъ, или я прочиталъ гдѣ-то въ другой книгѣ, по поводу убійства герцога Беррійскаго, что онъ убитъ былъ не человѣкомъ, а принципомъ, имматериальнымъ началомъ...

— Что же? авторъ оправдываетъ убійцу?

— Нѣтъ, знаете... не то чтобъ оправдывалъ убійцу, а говорить что подобные эпизоды, какъ ни грустны, но неизбежны цитируетъ примѣры и приходитъ къ убѣжденію что политическаго убійцу нельзя ставить на одну доску съ обыкновеннымъ преступникомъ. И мы видѣли что общее мнѣніе русскаго интеллигентнаго класса не только доросло, но и определило мысль Луи-Блана... то-есть, виновать, того писателя который говоритъ объ убіеніи герцога Беррійскаго. Вы читали конечно статьи нашей журнальной печати, послѣ вердикта окружнаго суда, оправдавшаго ту дѣвушку... помните, которая стрѣляла и ранца...

— Читалъ Андрей Павловичъ и помню что весьма многие были возмущены этими статьями; конечно, нашлись и такіе которымъ онѣ и понравились.

— И я въ числѣ ихъ тоже порадовался, не за дѣвушку! конечно, по мнѣ чортъ съ ней, я ей вовсе не симпатизирую!.. и опять-таки не изъ желанія зла индивидууму на жизнь котораго она аттантировала, а исключительно изъ принципа, изъ уваженія къ прерогативамъ суда, который долженъ стоять въ полной независимости отъ посягательствъ админи-

страдіи. Повторяю, Сергѣй Петровичъ, нельзя въ этихъ вопросахъ судить субъективно.

Въ эту минуту раздался первый звонокъ, сторожъ отворилъ двери на платформу.

— Извините, ваше превосходительство, что долженъ покинуть васъ, послѣдшне раскланиваясь говорилъ Анкосовъ, — я вижу товарища который ждетъ меня. Мы ѣдемъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Куда же вы ѣдете? спросилъ Вейсигъ, пожимая на прощаньи руку Анкосова.

— Въ Пудость.

— По службѣ?

— Да, съ полковыми офицерами для военной поѣздки дня на три. Кстати тамъ и знакомые живутъ. Званъ тамъ даже обѣдать на сегодня.

— Къ кому это?

— Къ графу Трояновскому, отвѣтилъ удаляющійся Анкосовъ.

— Значить будемъ обѣдать вмѣстѣ, крикнулъ ему во слѣдъ Вейсигъ.

Анкосовъ успѣшилъ удалиться, забравъ портфель и уложивъ газету въ карманъ пальто.

„Ну ужъ до этого барина анонимное письмо касаться не можетъ, подумалъ Анкосовъ. Онъ не можетъ быть ни слушаемъ, ни средствомъ. Онъ самъ ищетъ случаевъ и средствъ. Эту встрѣчу по боку, не въ счетъ.“

Анкосовъ раздѣлялъ общее мнѣніе товарищей о Вейсигѣ. Всѣ считали его за человѣка очень неглупаго, но не признавали въ немъ ни самостоятельности, ни полезной практической дѣятельности. Изъ различныхъ умственныхъ способностей, какъ-то: памяти, мышленія и воображенія, въ немъ болѣе всего были развиты память и воображеніе. Мышленіе же стояло на заднемъ планѣ. Онъ много читалъ и изъ прочитаннаго очень многое сохранилъ въ памяти; помнилъ всѣ имена авторовъ, заглавія книгъ и отдѣльно нѣкоторыя мысли писателей, но не критикуя ихъ собственнымъ мышленіемъ, принималъ чужія идеи на вѣру, и хвастая своими познаніями, выдавалъ чужія мысли за свои, иногда несмотря на явное ихъ противорѣчіе. Трудно было найти человѣка такъ легкомысленно принимающаго за неизбѣжныя начала все подлинное извѣстными въ наукѣ именами и за неопровержимыя

истины всю болтовню газетъ и журналовъ наиболѣе разпространенныхъ. На основаніи такой наивной довѣрчивости, его мнѣнія никогда не стояли долго на одной почвѣ и не шли постоянно въ одномъ направленіи, а непрерывно измѣняли и почву и направленіе суда по тому что говорила журнальная печать. Мало того, будучи отъ природы крайне честолюбивымъ и желая во что бы то ни стало прославить себя и сдѣлать блистательную карьеру, онъ всѣ происшествія общественныя и политическія, всѣ газетныя утки, даже всѣ слухи городскіе раздувалъ пылкимъ воображеніемъ своимъ въ какія-то горы, не замѣчая самъ что надувалъ мыльные лузыри и на этихъ горахъ, лустыхъ внутри, задумывалъ строить свое будущее величіе.

Съ этою цѣлью онъ заявлялъ себя публично партизаномъ того или другаго направленія, того или другаго политическаго или административнаго убѣжденія если видѣлъ что это направленіе находитъ сочувствіе въ обществѣ. Заявляя себя партизаномъ этихъ идей, онъ вѣрилъ что онъ должны неминуемо восторжествовать, вознестись превыше всѣхъ другихъ и вознести его самого.

Но вкусы общества и убѣжденія журналовъ мѣняются быстро. Горы оказывались скоро мыльными лузырями, лопались—и бѣдный Вейсигъ летѣлъ съ нихъ внизъ головой.

Лежа разбитый въ пропасти, называемой „состояніемъ или состояніемъ при... безъ денежнаго содержанія“, онъ усердно начиналъ искать себѣ протекторовъ которые подали бы ему хоть одинъ палецъ чтобъ онъ могъ бы ухватиться. Къ чему не прибѣгалъ онъ въ горькой юдоли своей, и успѣвалъ! Глядишь, Вейсигъ опять на какомъ-нибудь видномъ мѣстѣ. Но не проходило двухъ, трехъ лѣтъ—онъ опять взгромоздится на высоту мыльнаго лузыря блестящаго всѣми радужными цвѣтами, опять занесется въ сферы всевозможныхъ утопій и опять кувыркомъ летать въ пропасть. Въ такомъ постоянномъ движеніи вверхъ и внизъ проходила вся жизнь его.

Со своей стороны Вейсигъ распростившись съ Анкосовымъ думалъ: „Хочетъ дѣлать карьеру молодой человекъ, думаетъ сдѣлать ее тѣмъ что пристегиваетъ судьбу свою къ судьбѣ какого-нибудь важнаго и вліятельнаго лица. Ошибется. Важное лицо можетъ развѣ поставить на ноги, а подняться выше толпы можно только собственною силою, представляя собою какую-нибудь современную, всеобѣждающую идею.“

Двѣлая такое умозаключеніе, Вейсигъ забывалъ что ловкіе люди умѣютъ вовремя и незамѣтно отстегивать судьбу свою отъ колосса готоваго пасть и пристегивать ее къ другому, еще не колоссу, но уже готовому возрасти до размѣровъ его.

II.

Анкосовъ очевидно слѣпшилъ въ вагонъ. Мысль о встрѣчѣ которая должна рѣшить его будущность не выходила изъ головы.

„Интересно знать кого увижу я предъ собой въ вагонѣ“, думалъ онъ. „Многіе романы начинаются со встрѣчи въ вагонахъ. Можетъ и мой такъ начнется“.

И Анкосовъ двинулся къ выходной двери.

— Я сейчасъ за вами, Сергѣй Петровичъ, сказалъ Суздаальскій, глядя пристально мимо плеча Анкосова вдаль къ выходной двери изъ первой залы.

Замѣтя пристальный взглядъ князя и озадаченное выраженіе его лица, Анкосовъ повернулъ голову въ ту же сторону, и увидѣлъ въ толпѣ, слѣдившей къ выходной двери на платформу, высокую, стройную женщину, въ амазонкѣ, шедшую подъ руку съ солиднымъ мужчиною среднихъ лѣтъ. Всею осанкой, медленною, спокойною поступью и видомъ исполненнымъ граціозной величавости, она рѣзко отличалась отъ обгонявшей ее толпы, съ саквояжами, картонками и дѣтьми. Нельзя было не замѣтить ее, а замѣтивъ, нельзя было не остановиться на ней глазами.

— Вы что это, князь, спросилъ Анкосовъ улыбаясь, — клонуди червячка на удочкѣ? Васъ кажется потянуло уже къ этой амазонкѣ? Дрейфуетъ, князь, какъ говорятъ моряки?

Но молодой князь и не слышалъ что говорилъ ему Анкосовъ, до того онъ былъ погруженъ въ созерцаніе подходящей амазонки.

Ростомъ немного выше средняго, довольно худенькая, но необыкновенно стройная и гибкая, съ формами сложившейся женщины, но вся еще проникнутая чарующею дѣвственною прелестью, шла она не торопясь, какъ будто увѣренная что во всякомъ случаѣ ее подождутъ и спокойно, какъ-то благосклонно глядя на обгоняющую ее лублику. Прекрасно сидящая на ней темно-зеленая амазонка съ мужскимъ ворот-

вѣчкомъ обрисовывала пластичность ея плечъ, правильно развитой груди, стала и античную пропорціалность членовъ. Еслибы волосы дѣвушки не были черны какъ вороново крыло, ее, пожалуй, можно было бы назвать смуглою, но въ рамкѣ этихъ черныхъ вьющихся и небрежно причесанныхъ волосъ нѣжная кожа ея казалась совершенно бѣлою. Овалъ лица, небольшой алый ротикъ, всѣ черты были правильны, но на нихъ нельзя было оставить долгаго вниманія, потому что встрѣтивъ разъ эти черныя очи и эти длинныя шелковыя рѣсницы загнутыя вверху, уже не было силъ оторвать отъ нихъ очарованнаго взора. Это всей ея особы вѣяло порядочностью и чистотой даже въ мысляхъ непорочной дѣвушки. Ея видъ вселялъ невольнаго глубокое уваженіе. А въ то же время глаза ея и эти загнутыя длинныя рѣсницы были такъ краснорѣчивы, столько задатковъ пылкой земной страсти, которой сама она въ себѣ и не подозрѣвала, было въ нихъ и такъ соблазнительно женственна была вся она.

Лѣвая рука ея, или вѣрнѣе, только пальцы лѣвой руки лежали на согнутой рукѣ шедшаго съ ней кавалера, но она не опиралась на его руку: она шла независимо отъ него. Правую рукой она держала кончикъ шлейфа своей амазонки и хлыстикъ съ серебряною ручкой. Замшевыя перчатки съ небольшими крагами, кончикъ батистоваго платка выглядывавшій изъ наружнаго кармана амазонки на лѣвой сторонѣ груди и мужская низенькая шляпа со свѣтло-зеленымъ вуалемъ наверху придавали ей нѣсколько бравадный оттѣнокъ.

Все обаяніе этой женщины понялъ и оцѣнилъ Анкосовъ своею первою чуткою натурой.

Ему начинала уже нравиться мысль что эта гордая, неприступная женщина есть именно та о которой говорило анонимное письмо. Онъ самъ себѣ не сознавался въ этой мысли, но она невольна начинала занимать его.

„Вѣроятно не она“, думалъ онъ съ сожалѣніемъ, „иначе она чѣмъ-нибудь да показала бы что интересуется мною, что наконецъ знаетъ меня.“

— Чтò за прелесть! воскликнулъ князь Суздальскій когда дама и кавалеръ ея вышли изъ двери и попрежнему не оборачиваясь повернули вдоль платформы.

— Вы хотите чтобъ она васъ замѣтила что такъ громко и всенародно заявляете ваши восторги? сказалъ Анкосовъ.

— Да она по-русски не понимаетъ.

— Почему вы знаете, развѣ вы съ ней знакомы?

— Первый разъ вижу и удивляюсь что никогда не видалъ ее въ Петербургѣ. Я думалъ что знаю здѣсь всѣхъ хорошенькихъ. Она навѣрно иностранка. Русскихъ красавицъ я знаю, пожалуй между ними найдутся и красивѣе ея, да вотъ хоть бы Елена Трофимовна не хуже; но такой какъ она нѣтъ и быть не можетъ. Поглядите какъ она ходитъ! продолжалъ восторгаться князь Суздальскій, но уже вполголоса, идя вмѣстѣ съ Анкосовымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дамы.— Какъ она ставитъ маленькія ножки свои! Вѣдь это картина, это королева Голкондская. И съ такою-то осанкой, что за грація! Она Андалузка какая-то.

— Не изъ цирка ли? злобно замѣтилъ Анкосовъ.

— Полноте, Сергѣй Петровичъ, какъ можно быть такимъ профаномъ! Я знаете думаю: не жена ли это новаго португальскаго посланника. Говорятъ, писаная красавица, но я еще не встрѣчалъ ее.

— Который вагонъ перваго класса идетъ въ Гатчину? спросила амазонка въ эту самую минуту на чистомъ русскомъ языкѣ у кондуктора стоявшаго предъ отворенною дверью вагона.

— Пожалуйте впередъ, эти въ Петергофъ, отвѣчалъ кондукторъ.

— А кто изъ насъ профанъ? шепнулъ Анкосовъ.

— Оба мы профаны, также тихо отвѣтилъ гусарь.—*Parole d'honneur*, ничего не понимаю.

Между тѣмъ какой-то мальчуганъ, бѣжавшій сбоку своей мамы слѣдившей съ картонками, наскочилъ въ полыхахъ на шедшую впереди незнакомку, слоткнулся и чтобы не упасть, ухватился ручонками за складки ея амазонки. Коччикъ шлейфа выпалъ у нея изъ руки. Она остановилась, быстро поворотила назадъ голову, не измѣняя даже положенія плечъ и немного наклонилась, опустивъ внизъ длинныя рѣсницы.

Князь Суздальскій, шедшій позади ея, схватилъ мальчика за плечи, удержалъ его отъ паденія и отдѣлилъ руки оторопѣлаго ребенка отъ складокъ амазонки. Дама подняла голову, посмотрѣла на гусара, легкимъ, плавнымъ движеніемъ головы поблагодарила его за услугу и взглянула на Анкосова.

Какъ зарница въ небѣ на одно мгновеніе поднимаетъ за-вѣсу ночи надъ окрестностью, такъ мимолетный какой-то лучъ мелькнулъ въ глазахъ красавицы, и Анкосову показалось что она его узнала или что онъ напомнилъ ей кого-нибудь или что-нибудь.

Она взяла за руку мальчика, собиравшагося уже заплакать, и передала его своему кавалеру, сказавъ ему нѣсколько словъ по-англійски. Анкосовъ былъ увѣренъ послѣ взгляда брошеннаго на него красавицей что рѣчь шла о немъ и потому, какъ говорится, наострилъ уши. Готовясь быть военнымъ агентомъ, онъ въ послѣднюю зиму много занимался англійскимъ языкомъ и понималъ его, но въ томъ что сказала она своему кавалеру разсылшалъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ: „...тотъ полковникъ... говорила... сегодня...“

Вотъ все что онъ могъ разсылшать, но и этихъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ, не представлявшихъ никакого смысла, было достаточно чтобы при его и безъ того уже встревоженномъ состояніи и послѣ анонимаго письма взволновать еще болѣе его голову.

Сопровождавшій даму Англичанинъ, какъ показалось теперь Анкосову, молча кивнулъ только головой въ знакъ согласія, положилъ руку на плечо мальчика и повелъ его назадъ чтобы передать матери съ картонами. Красавица осталась ожидать его возвращенія.

— *Mlle Natalie, bien le bonjour! Comment, toute seule?* привѣтствовалъ даму подошедшій къ ней мужчина высокаго роста, съ густыми бакенбардами „*poivre et sel*“, какъ говорятъ Французы.

Съ особенною учтивостью приподнялъ онъ шляпу и продолжалъ держать ее надъ головой, пока пожималъ протянутую ему руку. На немъ былъ форменный фракъ съ металлическими пуговицами и бѣлый галстукъ. Разстегнутое лѣтнее пальто, накинутае на плечи, не закрывало нѣсколькихъ звѣздъ на фракѣ и красной ленты поверхъ бѣлаго жилета.

— *Mais non, je ne sois pas seule, Mr. Gibson est avec moi. Et vous, pourquoi êtes vous si beau?* * спросила она вѣроятно для того чтобы сказать что-нибудь; но сказала какъ разъ

* Нѣтъ, я не одна, г. Гибсонъ со мною, а вы какъ, почему вы такъ нарядны?

кетати, потому что вопросомъ этимъ доставила обладателю красной ленты случай высказать громко чтобъ имѣющіе уши слышали:

— Je vais à Péterhoff où se trouve Sa Majesté. * Мой старикъ нездоровъ, самъ ѣхать съ докладомъ не могъ, товарищъ его въ отпуску, послалъ меня. А вы, Наталья Васильевна, куда это собрались да еще въ такомъ нарядѣ, qui d'ailleurs vous va à ravir. **

— Ъдемъ на охоту, куда-то къ сторонѣ Гатчины, приглашены съ большимъ обществомъ, что-то въ родѣ пикника. Василій Федоровичъ находитъ что я дичаю и вотъ мы съ нимъ ѣдемъ. Неловко было молодымъ людямъ оставаться долѣе на мѣстѣ, и когда Англичанинъ подходилъ къ своей дамѣ, они обогнали разговарившихъ, причемъ Анкосовъ раскланялся съ ѣхавшимъ въ Петергофъ звѣздоносцемъ и вошелъ въ вагонъ перваго класса съ надписью: для курящихъ, ѣдущихъ въ Гатчину.

Въ вагонѣ оказался генералъ Вейсигъ и какой-то весьма благообразный купецъ съ золотою медалью на шеѣ.

Вейсигъ началъ было что-то разказывать Анкосову, но тому было не до разговоровъ. По обыкновенію своему, онъ слушалъ какъ будто очень внимательно говорившаго, но мысли его были заняты письмомъ и дамой.

Вейсигъ скоро замѣтилъ его озабоченность, подумалъ что вѣроятно это свѣтло главнаго управленія обрабатываетъ въ умѣ какое-нибудь очень важное представленіе и обратился къ купцу съ бесѣдой о торговлѣ солью. Бесѣда эта уже была начата ими до прихода Анкосова и Суздальскаго.

Поѣздъ тронулся.

Товомъ профессора на каедрѣ говорилъ Вейсигъ о соляныхъ промыслахъ. Коснулся добыванія соли въ чужихъ краяхъ, распространеніи о добываніи озерной и каменной соли въ Россіи, о преимуществахъ шахтъ предъ открытыми работами, о стоимости работъ; объ Илецкихъ, Елтонскихъ, Баскундакскихъ, Килчачанскихъ, Пермскихъ и Крымскихъ промыслахъ. Поименовалъ даже нѣсколько такихъ мѣсторождений соли о которыхъ купецъ и не слышалъ; да и не только купецъ, врядъ ли нашелся бы кто-нибудь во всемъ поѣздѣ ѣхавшемъ въ Гатчину который слышалъ о такихъ

* Я ѣду въ Петергофъ гдѣ пребываетъ Его Величество.

** Который впрочемъ идетъ къ вамъ восхитительно.

мѣстороженіяхъ. При этомъ Вейсигъ обнаружилъ такіа замѣчательныя познанія по части химіи и минералогіи что купецъ не понялъ ни слова, а бѣдный Суздальскій послѣ долгой борьбы со всѣми неучтивыми симптомами одолевшаго сна, не устоялъ, заснулъ.

Не мало дивился купецъ словамъ генерала. Кажись всѣ названія тѣ же, а въ смыслѣ рѣчи вникнуть нельзя. Слишкомъ двадцать пять лѣтъ занимался купецъ соляною промышленностію, нажилъ на ней не одну сотню тысячъ рублей, а никогда еще не прибѣгалъ къ тѣмъ мѣрамъ которыя генералъ называлъ первыми и необходимыми и безъ коихъ, по его мнѣнію, нельзя разрабатывать промысла и нельзя получить доходовъ. А купцу казалось что еслибы дѣлать по словамъ генерала, то пришлось бы работать себѣ въ убытокъ. Далекорасходились теорія Вейсига и практика солепромышленника.

— Развѣ ужъ Пѣмцу какому, а намъ непригодно ефтимъ порядкомъ. Убыточно, рѣшилъ наконецъ купецъ и умоакъ.

На полустанціи *Пудость* поѣзды Балтійской желѣзной дороги останавливаются, и то не всѣ, только на одну или на двѣ минуты. Въ Пудости рѣдко кто выходитъ изъ вагоновъ, развѣ двѣ, три Чухонки сосѣднихъ деревень выдѣзутъ изъ третьяго класса. На платформѣ полустанціи почти никогда не видать встрѣчающихся и ожидающихъ.

Но на этотъ разъ вышло иначе. На платформѣ стояла цѣлая группа ожидающихъ.

Человѣкъ десять офицеровъ различныхъ полковъ встрѣтили полковника Анкосова. Къ нему же и къ князю Суздальскому подошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, безцвѣтный блондинъ, одѣтый въ лѣтній дачный костюмъ безукоризненнаго европейскаго покроя.

— Пала узналъ что вы должны прибыть съ девятичасовымъ поѣздомъ и прислалъ меня напомнить вамъ обѣщаніе отобѣдать сегодня у насъ, сказалъ раскланиваясь молодой человѣкъ, сынъ графа Петра Павловича Трояновскаго, студентъ Петербургскаго университета.

— Поблагодарите, графъ, батюшку вашего, отвѣтилъ Анкосовъ, — скажите что съ благодарностію воспользуюсь его любезнымъ приглашеніемъ. Въ которомъ часу обѣдаетъ графъ?

— Здѣсь на дачѣ всегда въ четыре, но сегодня по случаю охоты, на которую предполагали мы ѣхать съ сестрою, будутъ обѣдать не ранѣ шести.

— Буду непременно, повторилъ Анкосовъ, садясь на приведенную къ станціи заранѣе верховую его лошадь. Конный вѣстовой взялъ его портфель, пальто и бинокль въ футлярѣ на ремешкѣ. Всѣ офицеры тоже сѣли на лошадей и двинулись за уѣхавшимъ полковникомъ.

У станціи однакоже остались нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, въ томъ числѣ двѣ сѣрыя съ трубачемъ гусарскаго полка. Обѣ, глядя на удаляющихся другихъ лошадей, безпкойно озирались въ ихъ сторону и ржали. Эти двѣ сѣрыя принадлежали князю Суздальскому и трубачу его эскадрона.

Самъ же князь замѣшкался на станціи.

Выходя изъ вагона вслѣдъ за Анкосовымъ, онъ замѣтилъ, къ крайнему удивленію и меньшей радости, что изъ того же вагона, но только изъ другой его половины выходила Англичанинъ и его дама. Отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону и желая не упустить изъ виду заинтересовавшую его красавицу, которой стройная фигура показалась уже въ дверяхъ вагона, Суздальскій ухватился за молодаго графа, въ семействѣ котораго былъ, какъ говорится, свой человекъ и подъ предлогомъ разговора съ нимъ, остался на платформѣ.

Онъ увидѣлъ что остановясь на нѣсколько секундъ въ дверяхъ вагона, она съ выраженіемъ особенной радости, даже счастья на лицѣ, улыбалась и кланялась послѣшню подходившему къ ней старику лѣтъ шестидесяти, совершенно сѣдому, просто одѣтому, съ доброю располагающею физиономіей.

Старикъ сіялъ счастіемъ при видѣ молодой женщины; еще издали, не сводя съ нея глазъ, онъ протягивалъ къ ней обѣ руки и громко произносилъ:

— Наташа, дорогая, милая, здравствуйте, моя голубушка! Какъ я радъ васъ видѣть! Да какая же вы красавица въ этомъ нарядѣ!

И онъ протянулъ къ ней обѣ руки. Она вложила въ нихъ свои и слегка опираясь на нихъ, неслышно, мягко и ловко, какъ птичка, соскочила на платформу.

За нею тотчасъ же вышелъ Англичанинъ. Замѣтивъ что шлейфъ амазонки висѣлъ за край платформы и пожалуй случайно могъ быть задѣтъ приходящими уже въ движеніе вагонами, онъ нагнулся, рукою приподнялъ конецъ шлейфа

и незамѣтно ни для кого вложилъ его, не говоря ни слова, въ руку разговаривавшей со старикомъ Наташи. Конечно, изъ всѣхъ тутъ бывшихъ, только одинъ Суздальскій, не скашавшій съ красавицы глазъ, замѣтилъ тотъ интимный, аасковый кивокъ головой и тотъ взглядъ которымъ она отблагодарила Англичанина за его внимательную о ней заботу. Все это краснорѣчиво свидѣтельствовало что взаимныя дружескія отношенія ея и Англичанина начались не съ нынѣшняго дня, а укрѣплены исторіей цѣлой жизни.

Въ подошедшемъ къ ней старикѣ князь Суздальскій узналъ доктора Рыбина, постоянного съ давняго уже времени домашняго врача у графа Петра Павловича Трояновскаго. Не разъ слышалъ онъ въ домѣ графа отъ доктора и отъ его дочери Елены Трофимовны о существованіи нѣкоей Натальи Алаяровой, которой Рыбинъ былъ опекуномъ. При Суздальскомъ разказывалъ Рыбинъ молодой графинѣ Alexandrine что Алаярова, дѣвушка рѣдкихъ качествъ, что прожила она большую часть дѣтства въ Англіи, въ домѣ какого-то лорда, подъ нѣжнымъ отцовскимъ попеченіемъ англійскаго офицера, который подобралъ ее круглою сиротой гдѣ-то въ Индіи и привязался къ ней до такой степени что ради ея переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, потому что эта Алаярова, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, которыхъ Суздальскій не помнилъ, записана была шлессельбургскою купчихой. Воспитываясь въ Англіи, среди нѣсколькихъ чопорныхъ пожилыхъ леди, молодая дѣвушка приняла отъ нихъ нѣсколько пуританскій образъ мыслей, непреклонную строгость къ самой себѣ, къ своимъ поступкамъ, словамъ и мыслямъ, педантическое соблюденіе церковныхъ обрядовъ и постановленій, щепетильное повиновеніе до мелочей кодексу приличій и условій связывающихъ въ Англіи членовъ одного и того же общества и безграничное уваженіе къ дѣйствующимъ законамъ, къ преданіямъ старины и къ обычаямъ вкорененнымъ многими поколѣніями предковъ. Но къ счастью Наташи всѣ эти правила старыхъ леди пали сѣменемъ не на холодную почву Англичанки, а на огненную натуру Индіянки, а потому не произведя ничего крайняго достигли блаженной середины; умѣрили вспыльчивость, непостоянство, шаловливость южанки и вкоренили твердые принципы чести, уваженія къ долгу, къ законности и къ семейной чистой и нравственной жизни, безъ увлеченій излишней мечтательности.

Изъ нея и вышла дѣвушка хотя и не чепорная и не слѣсивая какъ бывають многія Англичанки высшаго общества, но серьезно смотрящая на жизнь и на важность своихъ обязанностей, какъ настоящихъ такъ и будущихъ.

Все это промелькнуло въ памяти Суздальскаго при видѣ Рыбина, подходившаго къ своей крестной дочери съ улыбкой счастья на его добромъ лицѣ.

„Не моего поля ягода“, подумалъ Суздальскій. „Денегъ ей не нужно, имѣеть больше моего; жениться на кулчихѣ, слуга покорный, не приходится; а сердца et ce qui s'en suit безъ *Исаия-ликуй* пуританка не приметъ. Другаго ничего я предложить ей не могу, а потому très cher Monsieur Anatole, труби отбой. Елена Трофимовна, на этотъ разъ побѣда за вами!

Вотъ и все что подумалъ молодой, безшабашный кутила, князь Анатолий Николаевичъ Суздальскій, двадцатисемилѣтній, богатый „viveur“, членъ яхтъ-клуба, постоянный посетитель балетныхъ представлений и изобрѣтатель жженки „à la housarde.“

— А гдѣ же Василій Федоровичъ? спросилъ Рыбинъ, озираясь кругомъ и не замѣчая что Англичанинъ стоялъ уже позади Наташи; до такой степени увлеченъ былъ старикъ радостью видѣть свою милую крестницу.

— Mais bonjour donc, cher docteur, vous ne voulez pas m'arretevoir, * сказалъ улыбаясь Гибсонъ, выходя изъ-за Наташи и протягивая руку старику.

— Ah! lieber Herr Gibson, wo bleiben Sie doch? Guten Tag! **

Прошло тринадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ докторъ Рыбинъ и Англичанинъ Гибсонъ познакомились въ Ташкентѣ. Гибсонъ уже порядочно говорилъ по-русски, но они все-таки неизмѣнно продолжали адресоваться одинъ къ другому какъ словесно, такъ и письменно на разныхъ языкахъ.

— Наши лошади прибыли, крестный? спросила Наташа.

— Ваши лошади прибыли еще вчера вечеромъ, и Томъ съ вами; онъ стоять тутъ. Вы можете прямо сѣсть верхомъ. А какъ же вы сдѣлаете, моя родная, съ вашимъ костюмомъ, не можете же вы оставаться безпредѣльно въ немъ. Вотъ вѣдь

* Здравствуйте любезный докторъ, вы не хотите меня задержать.

** А! любезный мистеръ Гибсонъ, гдѣ же вы причесесь? Здравствуйте!

всегда такъ съ логикой женщины: не только о завтрашнемъ днѣ, о слѣдующемъ часѣ не подумаютъ.

— Со мной Анна Ефимовна, улыбаясь отвѣчала Наташа.— Она сидѣла во второмъ классѣ съ картонками. Да гдѣ же она? Наташа начала озираться кругомъ и замѣтила гусара не сводившаго съ нея глазъ. Она сидѣла видѣ что не видала его.

— Анна Ефимовна съ вами! какъ я радъ увидѣть кумушку. Ну вотъ что мы сдѣлаемъ... продолжалъ болтать докторъ.

— Дѣлайте что хотите крестный, но только поскорѣе, а то мы тутъ напрасно... время теряемъ, сказала Наташа.

Гибсонъ посмотрѣлъ на нее вопросительно; въ словахъ ея, въ интонаціи ея голоса онъ тотчасъ замѣтилъ что-то особенное; затѣмъ оглянувшись кругомъ какъ только что предъ тѣмъ оглянулась Наташа, въ свою очередь увидѣлъ гусара, сдѣлалъ тоже видѣ будто не замѣчаетъ его, и обращаясь къ доктору сказалъ, хотя вполне учтивымъ, даже ласковымъ тономъ, но такъ положительно что никакихъ дальнѣйшихъ обсужденій уже явно не требовалось:

— Мы съ *mlle* Алаяровъ поѣдемъ верхомъ, а вы или догоняйте насъ, или поѣзжайте впередъ, какъ хотите, но только доставьте, прошу васъ, средство Аннѣ Ефимовнѣ сейчасъ же пріѣхать за нами.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала засуетившія Рыбинъ,—я кумушку возьму съ собою въ бричку и покатамъ прямо ко мнѣ. Мы пріѣдемъ ранѣе васъ. Лѣля приготовила вамъ кофе и чай.

— Да гдѣ же Анна Ефимовна?

— *Mais la voilà,** сказалъ Гибсонъ уже сошедшій съ Наташей съ задней лѣстницы платформы, — *déjà installée dans votre бричка, cher docteur. Il parait qu'elle agit sans façons la chère мамушка.***

Затѣмъ Гибсонъ самъ подвелъ лошадь Наташѣ, подробовалъ крѣпко ли натянуты подпруги, измѣрилъ длину стремени по рукѣ своей, пошаталъ сѣдло, осмотрѣлъ мундштукъ и поводья и помогъ Наташѣ усесться въ сѣдло.

Проводивъ Гибсона и Наташу, Рыбинъ подошелъ къ бричкѣ своей стоявшей посреди большой дороги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ платформы полустанціи Пудость.

* Да вотъ она здѣсь.

** Уже помѣстилась въ вашей бричкѣ, любезный докторъ. Повидимому любезная мамушка не церемонится.

Въ бричкѣ давно уже сидѣла съ двумя картонками и съ сакъ-вождемъ Анна Ефимовна Ложкарева, крестная мать, она же и нянюшка, и горничная, и другъ Натальи Васильевны Алаяровой. Она была въ шляпкѣ какую носили лѣтъ пять тому назадъ, въ платкѣ замѣнявшемъ шаль и въ темномъ полуселковомъ платьѣ. Въ рукѣ одѣтой въ вязаную перчатку держала она надъ головой полинявшій зонтикъ желто-бѣлаго цвѣта.

— Здравствуйте, кумушка дорогая, здравствуйте моя *Анаевошна*, привѣтствовалъ ее докторъ, протягивая ей руку.

— Здравствуй куманекъ, далась же тебѣ все Анаевошна, да Анаевошна, не можешь развѣ величать меня моимъ крещенымъ именемъ.

Анна Ефимовна обращалась ко всѣмъ знакомымъ и ко всѣмъ домашнимъ, исключая Эмилии Ивановны, тетки Гибсона, съ мѣстоименіемъ *ты*, хотя всѣ кромѣ Наташи, ея крестницы, говорили ей *вы*. Еще въ Ташкентѣ, когда будучи женой отставнаго барабанщика 4го баталіона и хозяйкой первой лавочки въ городѣ, она отличалась приготовленіемъ лучшаго кваса и потому была знакома со всѣми женами и хозяйками офицеровъ и чиновниковъ, и тогда еще адресовалась она къ покупателямъ и покупательницамъ не иначе какъ на *ты*. Ее зналъ лично даже командующій войсками и ему говорила она *ты* въ тотъ единственный разъ когда его—ство, осматривая раждающійся новый русскій городъ, зашелъ къ ней въ лавку.

— Да не я же такъ прозвалъ васъ, отвѣчалъ Рыбинъ съ трудомъ усаживаясь въ бричку на полную багажъ.—Помните казака Батурина, вотъ кто сочинилъ Анаевошну.

— Какъ не помнить Батурина? Добрый былъ командиръ, Андрей Андреевичъ, много добра казаки чрезъ него получили, горой за нихъ стоялъ, въ обиду бывало никому не дасть.

— А что-то случилось съ нимъ? замѣтилъ въ раздумьѣ докторъ когда бричка уже тронулась съ мѣста.—Много кумушка воды утекло съ тѣхъ поръ какъ мужъ-то вашъ утонулъ тогда въ Чирчикѣ.

— Царство ему небесное, вздыхая произнесла вдова Ложкарева и перекрестилась.

— А какъ за это время дочь-то наша крестная Наталья-то Васильевна выросла, да похорошѣла! продолжалъ докторъ.

— Чего тебѣ выросла, ужь совсѣмъ большою барышней стала, девятнадцатый годокъ пошелъ, скоро невѣста, замужъ надо отдавать.

III.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Трофимъ Григорьевичъ Рыбинъ былъ старшимъ врачомъ одного изъ армейскихъ полковъ кочевавшихъ въ то время по Россіи.

Находясь съ полкомъ въ губернскомъ городѣ одной изъ приднѣпровскихъ губерній, онъ былъ въ качествѣ врача приглашенъ въ домъ предсѣдателя палаты, страдавшаго подагрой и такъ продолжительно лѣчилъ его, такъ усердно навѣщалъ больного что успѣлъ по уши влюбиться въ его хорошенькую дочку, на которой и женился.

Въ 1858 году Богъ даровалъ имъ дочь, которую они назвали Еленой. Не долго продолжалось счастье супруговъ. Молодая и хорошенькая докторша любила веселиться, часто посѣщала знакомыхъ всякихъ слоевъ общества, куда мужъ ея и не ходилъ, наконецъ сошлась съ какимъ-то красивымъ польскимъ графомъ, поскользнулась, полетѣла кувиркомъ, и дѣло дошло наконецъ до того что супруги добровольно развѣхались. Мужъ уѣхалъ на службу въ Азію, жена осталась съ дочерью въ томъ же приднѣпровскомъ губернскомъ городѣ.

Когда Леночкѣ минуло десять лѣтъ, мать отдала ее въ женскую гимназію того же города.

Еслибы взрослый, испытанный жизнью и наблюдательный человѣкъ могъ, хотя нѣсколько дней, пробыть невидимкою въ обществѣ дѣвочекъ и дѣвушекъ женской гимназіи, въ особенности губернской, ему объяснилось бы много такого чего живя и вращаясь въ обществѣ только взрослыхъ людей онъ часто не въ состояніи объяснить себѣ.

Дѣтскій возрастъ, въ особенности у дѣвушекъ, воспримчивъ до крайности. Въ умѣ и въ душѣ ребенка быстро вкореняются мысли, привычки и возрѣнія взрослыхъ съ которыми онъ живетъ. Отъ дѣвочки двѣнадцати лѣтъ не укроется ничего что происходитъ дома; еслибъ она сама чего-нибудь не досмотрѣла, прислуга откроетъ ей глаза. Впрочемъ, трудъ открывать дѣтямъ глаза на всѣ сокровенности и безобразія домашней жизни берутъ на себя услѣшнѣе всѣхъ сами родители.

Не рѣдко въ семействахъ даже богатыхъ, знатныхъ, принадлежащихъ къ образованному классу и почти всегда въ семьяхъ бѣдныхъ, темныхъ и неразвитыхъ людей, родители не церемонятся предъ дѣтьми, не прячутъ своихъ безразличныхъ идей, своихъ религіозныхъ сомнѣній и политическихъ шатаній. Они съ цинизмомъ выкладываютъ предъ дѣтьми на показъ, для вящаго ихъ назиданія, всю свою скудость умственную, всё свои безобразія и увлеченія, все то что съ такимъ тщаніемъ скрываютъ они отъ свѣта. Дѣвочка видитъ какъ родители ея постоянно, безнаказанно творятъ зло, научается сама творить его и скоро убѣждается что сладокъ запрещенный плодъ и что единственная обязанность ея относительно нравственности заключается въ стараніи скрыть отъ глазъ ближняго все безобразіе своего внутренняго, затаеннаго міра, то-есть лицемерить, лгать и вѣчно притворяться. Какъ въ калдѣ воды отражается небо, такъ во впечатлительной душѣ дѣвочки отражается уродливый образъ мыслей и безнравственный духъ ея семьи.

Каждый день привѣщаютъ и прибѣгаютъ въ гимназію дочери губернатора, кулца, офицера, духовнаго лица, пьянаго отставнаго чиновника, крестьянина, провинціальной актрисы, горничной, мѣщанина, прачки, даже цѣловальника изъ кабака: всё приносятъ съ собой крошечныя, но ясныя и правдивыя фотографіи своихъ семействъ и передавая ихъ другъ другу, въ общую складчину дѣтскихъ впечатлѣній, составляютъ себѣ изъ наиболѣе ярко выдающихся и чаще другихъ повторяемыхъ чертъ этихъ фотографій картину ожидающей ихъ жизни, ихъ обязанностей и отвѣтственности. Такъ составляетъ какой-то нигдѣ не написанный, но во всѣхъ глубоко вкорененный катехизисъ, которому дѣвочка, сдѣлавшись дѣвушкой, а затѣмъ женой и матерью, будетъ слѣдовать до тѣхъ поръ, пока опытъ жизни, иногда весьма горькій, не убѣдитъ ее въ неправоности его параграфовъ.

Была бы еще надежда исправить катехизисъ благотворнымъ вліаніемъ начальницы, классныхъ дамъ и учителей, но если и съ этой стороны дойдетъ безнравственностію и шаткостью убѣждений, то конечно зло еще усугубится.

Въ то время, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда Леночка Рыбина училась въ гимназіи придишровскаго города, уже бродили въ обществѣ и волновали умы утрированными, какъ всегда бываетъ съ русскими людьми, фантазіи

о равноправности мужчинъ и женщинъ, о совершенной тождественности ихъ обязанностей предъ обществомъ и о равной природной способности ихъ исполнять одну и ту же общественную работу, одинаковую роль политическую и государственную.

Шестнадцатилѣтняя дѣвочка находила для себя постыднымъ жить на счетъ родителей, вѣсть отцовскій хлѣбъ. Заботу о ней матери оцѣнивала она рублями и копѣйками и считала *раціональнымъ* наняться продавщицей въ книжный магазинъ чтобы получаемымъ жалованьемъ уплатить родной матери, какъ нанятой кормилицѣ, за молоко которымъ та съ любовью питала ее, безпомощную дѣвочку.

Появились въ гимназіяхъ стриженныя, въ синихъ очкахъ и мужскихъ пальто воспитательницы, которыхъ главное стараніе заключалось въ томъ чтобы какъ можно менѣе походить на женщинъ: тогда это было въ такой чести и модѣ! Возшли на кафедре учителя изъ семинаристовъ, которые подъ предлогомъ ознакомленія дѣвицъ съ отечественною литературой, называли Пушкина *колоссальною неразвитостью* и восторгались Чернышевскимъ и Писаревымъ; они толковали о женскомъ вопросѣ и о гражданскомъ бракѣ.

При такихъ условіяхъ домашней жизни и школы, чего же можно было ожидать отъ параграфовъ катехизиса вынесеннаго Леночкой изъ гимназіи?

Можно ли удивляться что въ числѣ ихъ были и такіе:

„Есть поступки которые общество согласилось называть безнравственными, непохвальными и грѣховными. Совершать ихъ можно безнаказанно, но поладаться въ нихъ—глупо, недостойно порядочной женщины“.

Тотъ же параграфъ, но только въ измѣненной нѣсколько редакціи былъ принятъ меньшинствомъ: нѣкоторыми дочерьми священнослужителей, учителей и мѣщанъ. Въ измѣненной редакціи онъ гласилъ:

„Есть поступки, которые обзываютъ безнравственными, непохвальными и грѣховными. Все это чушь! Преступленія; собственно говоря, никакого и быть не можетъ.“

Далѣе одинъ изъ слѣдующихъ параграфовъ гласилъ:

„Можно и не быть добродѣтельною, такъ какъ то что условно называется добродѣтельною, скучно, глупо и завтра также условно можетъ перестать называться добродѣтельною.“

На этомъ останавливалось меньшинство, у Леночки же къ этому добавлялись слова:

„Но непременно надо казаться добродѣтельною, также какъ надо быть хорошо и къ лицу одѣтою“.

„Красота тѣлесная все побѣждаетъ, счастлива та которая надѣлена ею. Она должна уметь пользоваться красотой и выставлять ее въ лучшемъ видѣ.“

Параграфъ этотъ не былъ принятъ меньшинствомъ, его замѣнилъ другой, въ которомъ глухо говорилось „что слѣдуетъ измѣнить пошлый языкъ искусственной морали“.

У Леночки былъ еще назидательный параграфъ насчетъ любви, онъ гласилъ:

„Любовь есть сахаръ который можно употреблять только какъ примѣсь къ чему-либо другому, болѣе существенному.“

Меньшинство укоротило этотъ параграфъ и обратило его въ слѣдующій *реальный* видъ:

„Любовь есть влеченіе кота Васьки къ кошкѣ Машкѣ. Кому нравится ею забавляться, лускай балуется“.

Такихъ нерутиныхъ параграфовъ въ катехизисѣ Елены Трофимовны было не мало. Были и такіе коихъ истинное значеніе скрывалось въ туманѣ. Такъ напримѣръ говорила Леночка:

„Мужъ самъ по себѣ, жена сама по себѣ“.

„Имѣть болѣе четырехъ дѣтей непростительное мѣщанство, *mauvaise manière*“.

Но не только въ нравственномъ отношеніи пріобрѣла Елена извращенныя понятія и ультра-реальный катехизисъ. По мѣрѣ услѣховъ „въ умственномъ развитіи“ расширялся горизонтъ ея мышленія, и все къ большей и болѣе разнообразной сферѣ примѣняла она свои реальные воззрѣнія.

Воспитанницы старшаго класса уже не довольствовались разказами о домашнемъ бытѣ ихъ родителей. Составленные изъ разказовъ этихъ выводы онѣ старались обобщить въ принципы которые и примѣняли уже не къ отдѣльнымъ личностямъ, а къ обществу. Въ этой работѣ явились услужливые помощники въ лицѣ воспитанниковъ старшихъ классовъ мужской гимназіи, братьевъ и кузеновъ нѣкоторыхъ изъ дѣвицъ, а съ ними и друзей братьевъ и кузеновъ.

Подъ предлогомъ чтенія назидательныхъ книгъ и повтореній пройденныхъ уроковъ, собирались онѣ не рѣдко у двухъ или трехъ дѣвицъ старшаго класса и тамъ читали, обсуждали

и разбирали приносимыя гимназистами сочиненія извѣстныхъ социалистовъ и изданія подпольной литературы.

Всѣ приходили въ неописанный восторгъ слушая громкія, трескучія фразы. Восторгалась ими и Елена, но притворно. Къ собственному стыду, она ихъ не понимала; то-есть, пожалуй, ближайшій смыслъ фразы былъ ей понятенъ, но самую суть мысли, цѣль ея и примѣнимость къ жизни, вотъ чего никакъ не могла она истолковать себѣ. Она даже обращалась за разъясненіями къ нѣкоторымъ болѣе другихъ восторгавшимся гимназистамъ, но убѣдилась что и они понимаютъ не болѣе ея.

Не мало мучили ее всѣ эти сомнѣнія.

Такъ, съ одной стороны, катехизисъ безравственности, а съ другой—мучительныя сомнѣнія въ религиозномъ и политическомъ отношеніяхъ, вынесла Елена изъ гимназіи вмѣстѣ съ кое-какими жиденькими познаніями.

Но ни катехизисъ безравственности, ни чтеніе социалистическихъ книгъ не могли уничтожить въ душѣ Елены тогда нѣкоторыя добрыя задатки природы.

Она унаслѣдовала отъ отца его доброе, общительное и человеколюбивое сердце. Подчасъ оно говорило сильнѣе искусственно привитыхъ параграфовъ ея катехизиса. Въ такихъ случаяхъ она начинала инстинктивно чувствовать что параграфы ложны, но, къ сожалѣнію, отца съ ней не было, и никто не поддерживалъ ее въ эти добрыя минуты, никто не давалъ себѣ труда объяснить ей что инстинкты ея вѣрны, а параграфы ложны и ядовиты; напротивъ того, среда ее окружающая сейчасъ же выставляла на видъ практическую примѣнимость къ жизни ея катехизиса и непрактичность ея инстинктивныхъ влеченій.

Понятно что при такихъ условіяхъ проблески врожденнаго добра становились все рѣже, а убѣжденія въ пользѣ зла вкоренялись все глубже. Не умерли въ ней зачатки добраго и честнаго, но они остались неразвитыми и заглохшими.

Еслибъ она встрѣтила любящаго ее человѣка, который будучи самъ склоненъ къ добру показалъ бы ей во очію примѣръ хорошей, честной жизни, рука этого любимаго ею человѣка могла бы вылопать плелевы воспитанія и дать честнымъ правиламъ отца ея возможность выйти на свѣтъ Божій, дохнуть воздухомъ и укрѣпиться. Но такой дружеской руки она не встрѣтила ни въ гимназіи, ни у матери въ домѣ,

а потому и вышла въ свѣтъ во всеоружіи самыхъ безнравственныхъ принциповъ.

Въ 1875 году мать Елены Трофимовны умерла внезапно отъ холеры, и *volens-volens* дочь должна была пріѣхать къ отцу, котораго не знала вовсе и къ которому была совершенно равнодушна.

Въ то время Трофимъ Григорьевичъ былъ уже въ Петербургѣ. Еще въ шестьдесятъ седьмомъ году оставилъ онъ Ташкентъ и добылъ себѣ мѣсто старшаго врача въ одномъ изъ первоклассныхъ военно-учебныхъ заведеній столицы, гдѣ и находился до настоящей минуты когда мы застаемъ его на пути со станціи Пудость домой.

Елена Трофимовна только-что окончила свой туалетъ; поправляя складки лѣтнаго, легкаго платья, она вышла изъ уборной въ гостиную и подошла къ открытому окну, изъ котораго видна была на далекое разстояніе прямая какъ лучъ большая дорога изъ Пудости въ Укромное.

Свѣтлые русые волосы, большіе и прекрасные голубые глаза, вздернутый носикъ и что-то вызывающее, кокетливо-дерзкое во взорѣ и въ чертахъ лица придавали молодой дѣвухѣ шаловливый и что называется *пикантный* видъ. Чрезвычайная, поражающая бѣлизна кожи, нѣжность очертаній подленькаго круглаго личика, пышщаго здоровьемъ, округлость словно выточенныхъ рукъ и вся соблазнительная свѣжесть ея дѣвичьихъ формъ, всегда немного приподнятая верхняя губа, алые губки, поздри маленькаго носика вдругъ расширяющіяся, точно ей потребовалось больше воздуха отъ избытка чувствъ и отъ волненія стѣсняющихъ грудь и дыханіе, все это манило къ веселью, шуткамъ, ухаживанью, все вѣяло молодымъ задоромъ.

На ней было бѣлое, легкое, довольно коротенькое платьице съ розовыми полосками, убранный розовыми же лентами, ленточками и бантами; въ волосахъ—свѣжая, только что начавшая распускаться роза. Черная бархотка стягивала ея нѣжную шейку и еще болѣе выдавала бѣлизну кожи. Плечи, верхъ груди и половина спины были покрыты только одною кисеей платья; бѣлый лифъ, бывший подъ кисеей, не закрывалъ ихъ. Нельзя было сказать что она обнажена, что она непристойно декольтирована; она была одѣта, до горла прикрыта, но какъ-то сквозь тонкую ткань мелькали и

мерещились нѣжная бѣлизна ея груди и округлости ея мраморныхъ формъ. На спинѣ у самаго края лифа ясно было видно кругленькое родимое пятно. Такъ и казалось что только для васъ оно открыто, о чемъ-то интимномъ нашептывало это кругленькое пятнышко.

Длинною, изжелта-бѣлою лентой, посреди зеленѣющей травы, кустовъ и отдѣльныхъ тощихъ деревьевъ, тянулась дорога изъ Пудости на Укромное. На большомъ протяженіи этой дороги, ярко освѣщенной утреннимъ солнцемъ, увидѣла Елена только возъ со скошенной свѣжею травой, медленно двигающійся на одной лошаденкѣ къ Укромному, да вдали нѣсколько солдатъ косившихъ траву по обѣимъ сторонамъ дороги, и болѣе никого. Елена и безъ того уже вышла изъ уборной не въ духѣ, а пустота и тишина царствовавшія вокругъ еще неприятели подвѣствовали на нее. Не любила Елена ни пустоты, ни тишины. Уединеніе раздражало ее, тишина ее пугала.

Глаза молодой дѣвушки далеко не были веселы. Надвинутыя брови, складка на лбу и усиленно сжатые губы доказывали что не рѣзвыя затѣи, а очень серіозныя, какъ бы удручающія заботы, занимали ея головку. Ея мысли должно-быть стояли въ поразительномъ противорѣчій съ ея розовымъ, свѣтлымъ костюмомъ. Она напоминала тѣхъ хористовъ на оперной сценѣ которымъ въ теченіе дня не на что было пообѣдать и которые вечеромъ въ блестящихъ нарядахъ выходятъ на сцену и съ поддѣльнымъ увлеченіемъ сытыхъ придворныхъ, но на дѣлѣ мучимые голодомъ, пьютъ воображаемое вино изъ картонныхъ позолоченныхъ кубковъ.

Сидя въ креслѣ, облокотясь нѣжною, полною рукою на овальный столъ стоящій предъ диваномъ, красивая дѣвушка глубоко задумалась, и было о чемъ задуматься ей.

Ея жизнь съ перваго шага сложилась какъ-то неудачно. Въ короткое время, въ какіе-нибудь четыре года, она умѣла уже, съ одной стороны, испытать всякаго рода увлеченія и разочарованія, а съ другой, принять такія рѣшенія и такой путь которые портили не только ея настоящее, но и будущее.

Отправляясь къ отцу послѣ смерти матери, она рисовала себѣ въ воображеніи обольстительныя картины той жизни которую устроить себѣ въ Петербургѣ. Всѣ утра посвящаетъ

она труду. Ей хотѣлось найти себѣ прибыльную работу: переводы или уроки, для того чтобъ имѣть право похвастать что живетъ не на счетъ отца. Къ вечеру соберутся обычные, чуть не ежедневно посѣщающіе домъ ихъ гости. Ея пылкому воображенію представляется уютная, теплая комната съ большимъ чайнымъ столомъ посрединѣ. Елена сама разливаетъ чай. Вокругъ стола сидятъ человѣкъ шесть мужчинъ. Всѣ они люди избранные: свѣтлаго ума, корифеи новѣйшихъ учений. Ихъ глубокое знаніе природы и ея тайнъ, желаніе и пониманіе истиннаго добра въ примѣненіи къ обществу и философское воззрѣніе на современные социальныя вопросы составляютъ основу ихъ увлекательныхъ бесѣдъ. Внимая имъ, она понемногу разясняетъ себѣ всѣ прежнія, тяжкія недоумѣнія. Она уже настолько просвѣтлена этими академическими преніями что рѣшается принимать личное въ нихъ участіе, дерзаетъ громко и смѣло высказывать свои убѣжденія. Ее наконецъ слушаютъ со вниманіемъ, дорожатъ ея одобреніемъ. Одинъ изъ гостей молодой, богатый человѣкъ, привлеченный въ это общество, молвой объ ея гостини, поддерживаетъ противъ всего общества высказанное ею мнѣніе о какомъ-то важномъ вопросѣ дня. Потоки увлекательнаго краснорѣчія льются съ его прекрасныхъ устъ. Благодаря ему, мнѣніе Елены торжествуетъ. Конечно, между ею и имъ рождается симпатическое влеченіе. Но къ соединенію двухъ любящихъ сердецъ являются миліоны препятствій. Прекрасный молодой человѣкъ принадлежитъ къ богатой и знатной фамиліи, которая, разумѣется, и слышать не хочетъ о женитьбѣ его на дѣвушкѣ бѣдной, незнатной, да еще прославившейся своими эксцентричными мнѣніями. Чтобы преодолѣть препятствія, приходится прибѣгнуть къ интригамъ, а къ интригамъ Елена Трофимовна имѣетъ врожденное влеченіе и непреодолимую склонность. Она получила страсть къ нимъ отъ матери. Ей казалось особымъ удовольствіемъ назначить себѣ какую-нибудь цѣль и къ достиженію ея вести все самой, разчитывать собственнымъ умомъ всѣ шаги, избирать пути и заставить всѣхъ вокругъ себя, кого умомъ, кого притворствомъ, а кого и кокетствомъ, двигаться по ея мысли и желанію какъ шашки на шахматной доскѣ. Вотъ это жизнь, думала она, а иначе скучно. Дѣйствительность, какъ всегда бываетъ, далеко не осуществила ея мечты. Корифеевъ новѣйшихъ учений, реалистовъ

сильныхъ умомъ, познаніями и волею, она у отца не нашла. вмѣсто нихъ являлись къ доктору старички-врачи, бывшіе его товарищи и лица служація въ томъ учебномъ заведеніи при которомъ онъ числился. Раскрывались карточные столы, всѣ за нихъ усаживались, и вмѣсто академическихъ бесѣдъ раздавались въ комнатѣ возгласы: пасъ, бубны, два безъ козырей, шлемъ.

Разъ или два въ недѣлю возилъ Рыбинъ дочку свою въ домъ графа Петра Павловича Трояновскаго. Тамъ встрѣчала она общество аристократическое, до тѣхъ поръ ей вовсе незнакомое, но о которомъ слышала она много злословія и много насмѣшекъ отъ передовыхъ людей роднаго приднѣпровскаго города. Понятно что въ первое время она сильно дичилась, но любезное, доброе обращеніе съ нею графини Alexandrine, дочери графа Петра, и вполне вѣжливое обхожденіе всѣхъ ея родныхъ, въ особенности мужчинъ, скоро ободрили ее и возвратили ей обычную ея смѣлость.

Такая миловидная дѣвушка не могла оставаться долго незамѣченною. Мужчины тотчасъ же начали за нею ухаживать, что польстило ея самолюбію, и не прошло четырехъ мѣсяцевъ пребыванія ея въ Петербургѣ, какъ она оказалась уже увлеченною желаніемъ навсегда приобщиться къ этому избранному кругу.

Въ числѣ ухаживавшихъ за нею болѣе другихъ любезнымъ и самымъ для нея пріятнымъ былъ князь Анатолій Суздальскій. Уже нѣсколько разъ намекалъ онъ ей на страстную любовь свою, такъ что послѣ всякаго съ нимъ свиданія она ожидала что вотъ-вотъ, при первомъ же случаѣ, онъ непременно объяснится и посватается. Дѣйствительно, при слѣдующей встрѣчѣ онъ щедро расточалъ намеки на страстную любовь и увѣренія что готовъ пожертвовать всѣмъ для устройства ей счастливой и беззаботной жизни, но простой, прямой просьбы сдѣлаться его женой она такъ и не дождалась отъ него.

Не смотря однако на молодость и жуирство, въ князѣ Суздальскомъ глубоко было вкоренено уваженіе къ своему имени, не столько потому что его предки были Рюриковичи,—объ этомъ онъ мало думалъ и далѣе прагматика не восходили его познанія родословнаго древа князей Суздальскихъ,—но потому что de père en fils, всѣ Суздальскіе вѣрно и честно служили Русскимъ царямъ на благородномъ военномъ поприщѣ. Его дѣдъ

былъ израненъ въ Лейпцигскомъ сраженіи предъ полкомъ которымъ командовалъ. Кавалерійская молодецкая атака въ которой дѣдъ его заслужилъ Георгія на шею и украсился честною раной, была изображена на полотнѣ. Картина эта всегда висѣла въ кабинетѣ его отца. Отецъ Анатолія умеръ славною смертью на твердыни Севастополя, и портретъ его во весь ростъ и въ натуральную величину вмѣстѣ съ картиной Лейпцигской атаки красовался предъ лисьменнымъ столомъ внука и сына двухъ героевъ, на самомъ видномъ и почетномъ мѣстѣ его кабинета.

Нельзя было сомнѣваться, глядя въ открытое и смѣлое лицо Анатолія Николаевича, что и онъ не отступитъ ни на юту отъ славныхъ преданій его предковъ, по примѣру дѣда и отца, когда того требуетъ служба государю и не запятнаетъ унаслѣдованной репутаціи храбрыхъ Суздальскихъ.

Четырнадцать лѣтъ онъ отданъ былъ въ то военно-учебное заведеніе гдѣ получилъ воспитаніе и отецъ его, вмѣстѣ съ сыновьями лучшихъ фамилій Россіи.

Въ то время, по столичнымъ военно-учебнымъ заведеніямъ потянуло тѣмъ же сквознымъ вѣтромъ утрированной любви къ меньшей братіи, который свистѣлъ въ головахъ не только молодежи, но и почти всего общества Петербурга и Москвы. Въ низшихъ, среднихъ и высшихъ заведеніяхъ открыты были для уличныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ воскресныя школы, куда собирались для обученія ихъ грамотѣ воспитанники этихъ заведеній, офицеры въ нихъ обучающіе, дѣвицы столичнаго общества, студенты Университета, Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго Института и разные молодые люди, уже сильно зараженные въ то время социалистскими бреднями.

Учителей собиралось гораздо болѣе чѣмъ учениковъ.

Понятно что мальчишекъ и дѣвчонокъ грамотѣ не научили, но за то не мало воспитанниковъ военныхъ училищъ, офицеровъ и дѣвицъ обратились въ нигилизмъ.

Сами начальники находили въ то время разумнымъ предоставлять для такихъ собраній молодежи конференцъ-залы и библіотеки казенныхъ заведеній.

Вихремъ пронеслись вѣянія нигилизма по роскошнымъ заламъ въ верхнемъ этажѣ общественнаго зданія, подуваетъ онъ и до сихъ поръ въ тѣсныхъ комнатахъ перваго этажа,